

*К 110-летию со
дня рождения*

Ольга Фёдоровна Берггольц 1910-1975

"Мадс"

"о города"

"а Оля"...

БЕРГГОЛЬЦ

**Здесь лежат ленинградцы
Здесь горожане -мужчины, женщины, дети
Рядом с ними - солдаты-красноармейцы
Всею жизнью своею они защищали тебя,
Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить
не сможем
Так их много под вечной охраной гранита,
Но знай, внимающий этим камням,
Никто не забыт и ничто не забыто!»**

Её называли «блокадной мадонной». Она была красива той особой просвещенной красотой, которая несёт на себе печаль духовности и самоотверженности: правильные черты лица, светлые, словно светящиеся волосы, большие серые глаза, умный спокойный взгляд.

Я никогда героем не
была.

Не жаждала ни славы, ни
награды.

Дыша одним дыханием с
Ленинградом,

Я не геройствовала, а
жила.

Имя при рождении:	Ольга Федоровна Берггольц
Дата рождения:	3(16) мая 1910
Место рождения:	Санкт-Петербург
Дата смерти:	13 ноября 1975
Место смерти:	Ленинград
Гражданство:	СССР
Род деятельности:	Проза, поэзия
Годы творчества:	1932-1975

В далекие двадцатые годы на заседание ленинградского союза поэтов пришла скромная девочка-школьница с длинными золотистыми косами. Среди взрослых литераторов, девочка совсем растерялась. Пересилив страх, она прочитала свои стихи. Когда чтение закончилось, к ней подошел известный детский писатель — огромный Корней Иванович Чуковский, обнял за плечи и пропел-прогудел: "Ну, какая хорошая девочка! Какие ты стишки прекрасные прочитала!" И повернулся ко всем: "Товарищи, это будет со временем настоящий поэт". Корней Иванович не ошибся. Как не ошиблись и М. Горький и С. Маршак — они тепло отзывались о стихах и поддерживали творчество Ольги Берггольц. Читатели первых ее книг отмечали романтическую приподнятость произведений, искренность и глубину чувств поэтессы. Но жизнь ее складывалась драматично...

Ольга Берггольц родилась в Петербурге 16 мая (3 по старому стилю) 1910 года в семье Российской писательница, поэтесса. Ольга Федоровна Берггольц родилась 16 мая (по старому стилю - 3 мая) 1910 года в Петербурге, в семье заводского врача, Федора Христафоровича, жившего на рабочей окраине Петербурга в районе Невской заставы. Мать - Мария Тимофеевна Берггольц, младшая сестра - Мария.

«...я решила поехать в Углич и обязательно
дойти до собора, до школы, до того трепе
го счастья, которое столько лет снилось».

(“Дневные звёзды”)

Бывший дом купцов Еврейновых по ул. Ярославской. Здесь была гостиница, где жила О. Берггольц, приехавшая в Углич в 1953 г. Фото 2007 г.

В 1924 году в заводской стенгазете были опубликованы первые стихи Ольги Берггольц.

В 1925 году Ольга Берггольц вступила в литературную молодежную группу "Смена", а в начале 1926 года познакомилась там с Борисом Петровичем Корниловым* (1907-1938) - молодым поэтом. Очень скоро после знакомства 19-летний Борис Корнилов и 16-летняя Ольга Берггольц поженились, родилась дочь Ирочка. Но уже в 1932 году Ольга и Борис развелись не сошлись характерами.

Борис Петрович Корнилов

Союз с Николаем Молчановым рождает у Ольги столько вдохновения, что она с головой уходит в творчество. Но черная туча уже омрачает их будущее. После убийства Кирова в Ленинграде очень неспокойно, чистки идут одна за другой. И Борис Корнилов становится одной из мишеней. Его арестовывают, а через некоторое время черный воронок увозит в камеру и Ольгу. В декабре 1938 Ольгу Берггольц по ложному обвинению заключили в тюрьму, но в июне 1939 выпустили на свободу. А дальше – допросы, постоянные избиения, острая боль оттого, что преднамеренно бьют ногами по животу, чтобы убить ребенка. И звери в человеческом обличье добиваются своего – ребенок так и не появляется на свет.

1541 Бергольц, 1910г.

Ольга Федоровна

Корнилов и Берггольц уже не были мужем и женой, Бориса Корнилова уже не было в живых, но Берггольц и в 1939 и 1940 годах пишет стихи, посвященные первому мужу.

Не стану прощенья просить я,
ни клятвы - напрасной - не стану давать.
Но если - я верю - вернешься обратно,
но если сумеешь узнать, -
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем, -
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою - о чем.

В декабре 1939 года она писала в своем тщательно скрываемом дневнике: "Ощущение тюрьмы сейчас, после пяти месяцев воли, возникает во мне острее, чем в первые время после освобождения. Не только реально чувствую, обоняю этот тяжелый запах коридора из тюрьмы в Большой Дом, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице, но и то смешанное состояние обреченности, безвыходности, с которыми шла на допросы... Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: "живи". "В 1939-м я была освобождена", душевная рана зияла и болела нестерпимо. Мы еще не успели ощутить во всей мере свои утраты и свою боль, как грянула Великая Отечественная война".

Известие о начале войны застало Ольгу Берггольц в Ленинграде. Уже в июне 1941 года она пишет стихи о Родине, той самой, которая совсем недавно убила ее ребенка и первого мужа, той самой, которая едва не убила ее саму:

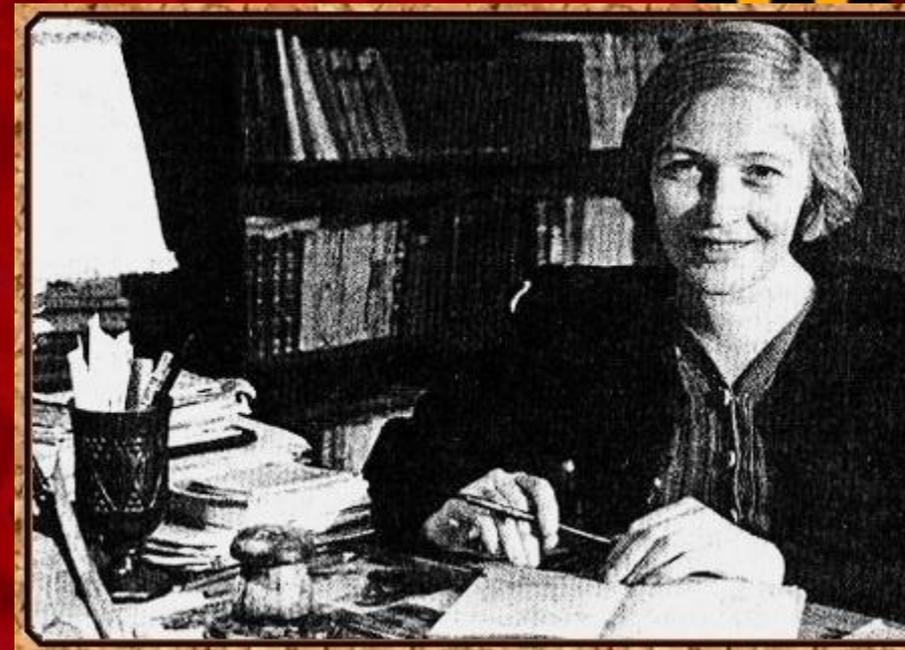
Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.

Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

...

Он настал, наш час, и что он значит -
только нам с Тобою знать дано.

Я люблю Тебя - я не могу иначе,
я и Ты по-прежнему - одно.

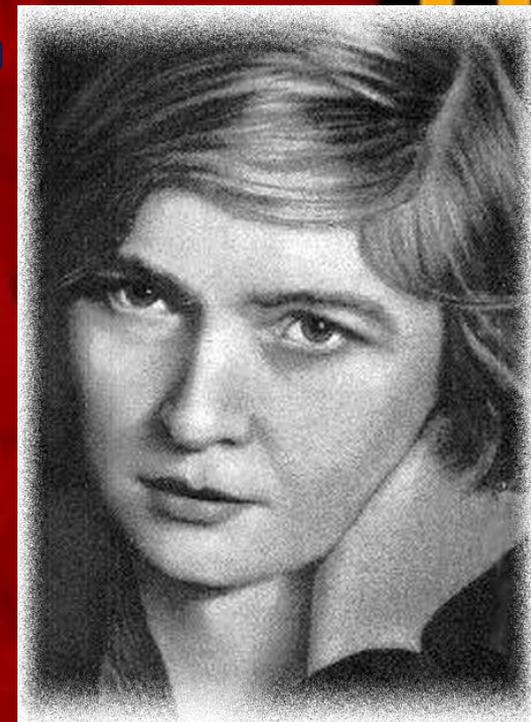

В тяжелейшие годы суровых испытаний Великой Отечественной войны деятели советской культуры – писатели и поэты, художники и композиторы, работники кино и радио – весь свой талант отдавали победе над врагом. Более тысячи членов Союза писателей создавали свои произведения непосредственно на фронте и в партизанских отрядах. Почти половина из них пала в боях за свободу родины, была ранена.

С первых дней войны советские писатели и поэты вместе со всем народом встали на борьбу с фашистами. Их оружием были и винтовка, и пулемет, и слово: стихи, рассказы, песни, строки военной корреспонденции. Через всю поэзию военных лет проходит тема опаленной юности, тема юношей 41 – го года, прямо со школьной скамьи ушедших на фронт. Писали о них, о юношах и девушках в солдатских шинелях.

А мы - навсегда заппомним ее светлый образ.

И люди слушали стихи,
как никогда,— с глубокой верой,
в квартирах черных, как пещеры,
у репродукторов глухих.

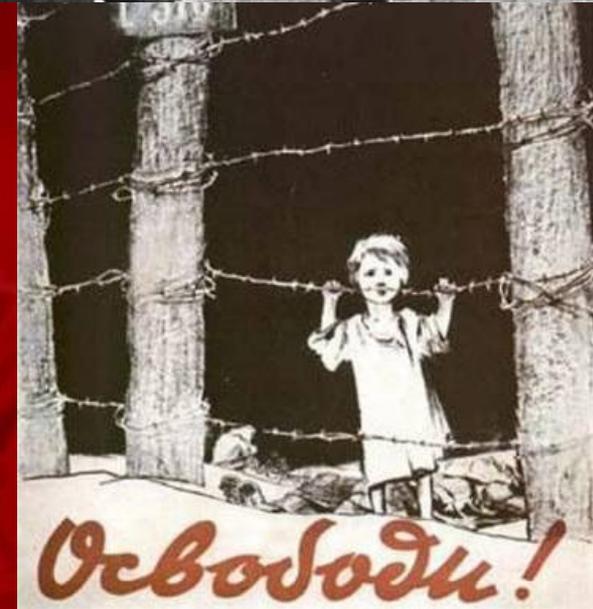
И обмерзающей рукой,
перед коптилкой, в стуже адской,
гравировал гравер седой
особый орден — ленинградский.
Колючей проволокой он,
как будто бы венцом терновым,
кругом — по краю — обведен,
блокады символом суровым.

В ноябре 1941 ее с тяжело больным мужем должны были эвакуировать из Ленинграда, но Николай Степанович Молчанов умер и Ольга Федоровна осталась в городе.

Поистине народное признание пришло к Ольге Федоровне Берггольц в годы войны. В окруженном врагами городе, как тогда коротко говорили — в блокаде, не было света и тепла, воды и хлеба. Гремели разрывы бомб и снарядов, горели здания, дымились руины.

Обессиленных, истощенных людей в темноте промерзших квартир порой объединял только голос радио. Часто голос радио был голосом Ольги Берггольц. Звучали стихи. Они шли от сердца к сердцу. Они были предельно достоверны по деталям блокадного быта и интонации.

Ведь писал их человек, который страдал вместе со всеми, недоедал, склонялся при свете коптилки над тетрадью, дул на замерзшие руки, согревая дыханием непослушные пальцы.

Стихи оплакивали погибших. И, может быть, уже тогда зародились строки, которые много лет спустя будут высечены на каменной стене над братскими могилами Пискаревского кладбища: "Никто не забыт...". Они станут своеобразным паролем нашей памяти...

В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завалит,
Кругом о бомбах говорят...
...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была.

Да здравствует суровый и
спокойный,
Глядевший смерти в
самое лицо,
Удушливое вынесший
кольцо,
Как человек, как труженик,
как воин!
Сестра моя, товарищ, друг
и брат, -
Ведь это мы, крещенные
блокадой,
Нас вместе называют -
Ленинград,
И шар земной гордится
Ленинградом.

Ольга Берггольц вспоминает, что: «Какая-то пожилая женщина говорила мне: «Знаете, когда заедает обывательщина, когда чувствуешь, что теряешь человеческое достоинство, на помощь приходят ваши стихи. Они были для меня как-то всегда вовремя. В декабре, когда у меня умирал муж и, знаете, спичек, спичек не было, а коптилка все время гасла, и надо было подталкивать фитиль, а он падал в баночку и гас, и я кормила мужа, а ложка — то куда-то в нос ему сую — это ужас, — и вдруг мы слышим ваши стихи. И знаете — легче нам стало. Спокойней как-то. Величественнее... И вот вчера — я лежу, ослабшая, дряблая, кровать моя от артстрельбы трясется, — я лежу под тряпками, а снаряды где-то рядом, и кровать трясется, так ужасно, темно, и вдруг опять — слышу ваше выступление истихи... И чувствую, что есть жизнь...»

Нет слов, чтобы описать то, что Ольга Берггольц сделала для осажденного Ленинграда. Ее называли ласково и «Муза» и «Мадонна блокады», но самым дорогим подарком была для нее немудреная народная фраза: «Наша Оля»... Она умела находить сердечные слова, не мудрствуя лукаво – «Что может враг? Разрушить и убить. И только-то. А я могу любить...».

Блокадные стихи Берггольц появились в тоненьком сборнике “Ленинградская поэма” еще в блокаду:

Был день как день.

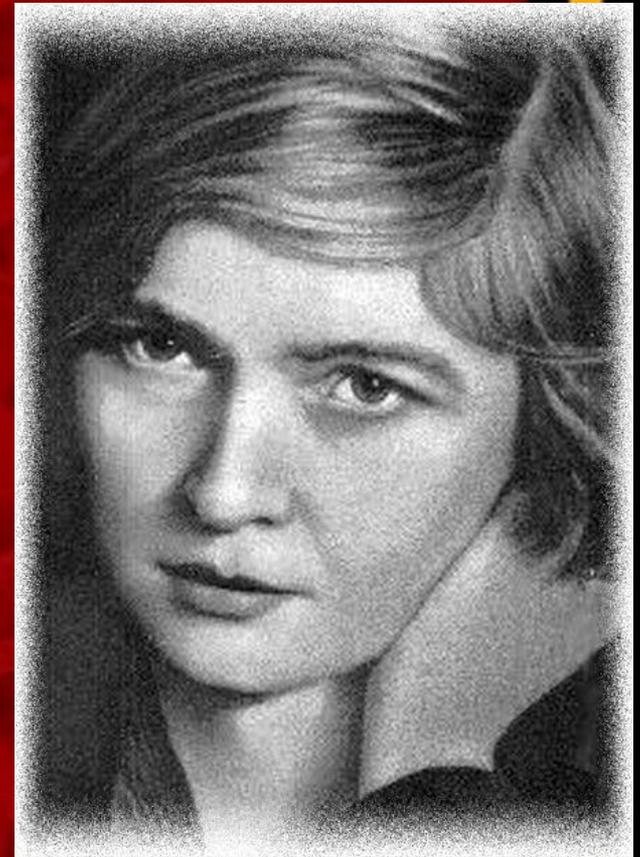
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?

Я тоже ленинградская вдова.

Мы съели хлеб,

что был отложен на день,
в один плапок закупались вдвоем,
и тихо-тихо спало в Ленинграде.
Один, стуча, прудился метроном...

В самый канун войны, в мае 1941 года, уже предчувствуя и как бы въяве видя приближившийся час испытаний, Берггольц писала:

*Но я живу: еще одно осталось –
В бою другого грудью заслонить.*

Ее слово было обожжено страданием и закалено мужеством, а любовь к Родине была граждански зрячей, готовой взять на себя любую ношу.

*Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня...*

Стихотворение написано в июне 1941 г. Как и у многих поэтов тех дней, оно звучит подобно клятве, да и по существу и было именно клятвой. Берггольц выразила чувства, общие для советской поэзии тех лет.

Одновременно с Берггольц написала и свою знаменитую «Клятву» Анна Ахматова. Стихи Берггольц тех трагических дней были строги и скупы по словам, в них не было ни особой инструментовки, ни, тем более, богатства красок, они были аскетичны и просты. Всего две краски: белая как снег и черная как дым городских пожаров, - присутствовали в ее тогдашней лирике, а голос, прорывавшийся в дома сквозь треск радиозэфира, был почти тихим, но в нем наряду с состраданием и болью, всегда звучала надежда...

Нехитрыми средствами, не задумываясь о литературной технике, она добивалась главного: своим голосом, стихом-беседой, доверительным и искренним монологом-обращением спланивала людей в некое «блокадное братство», в монолитное единство. В стихах Берггольц периода войны мы слышим не только слова утешения и сострадания, не только сдерживаемые слезы, но и жесткую, горькую, а потому агитационную в своей прямоте правду.

Характерной особенностью поэтического мышления Берггольц было острое и всегда глубоко личностное переживание жизни как исторического потока. Блокаду Ленинграда она осмысляла как победоносную трагедию, как выразительную и неповторимую страницу в долгой истории Отечества.

Именно чувство истории прежде всего и придало ее лирике, такой, казалось бы, непритязательной («Сядем, побеседуем вдвоем...»), отчерченной, на первый взгляд смертным кругом блокадного быта, его тягостными и немудрящими деталями (коптилка, печурка, саночки, кусочек хлеба), неожиданную широту и ту символичность, какая обычно бывает сродни эпическому искусству.

Пусть голосуют дети

Я в госпитале мальчика видала.
При нем снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало.
А мальчику в то время было пять.

Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зеленый круглый мяч...
И вот лежал — и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.

Лежал тихонько на солдатской койке,
обрубки рук вдоль тела протянув...
О, детская немислимая стойкость!
Проклятье разжигающим войну!

Проклятье тем, кто там, за океаном,
за бомбовозом строит бомбовоз,
и ждет невыплаканных детских слез,
и детям мира вновь готовит раны.

О, сколько их, безногих и безруких!
Как гулко в черствую кору земли,
не походя на все земные звуки,
стучат коротенькие костыли.

И я хочу, чтоб, не простив обиды,
везде, где люди защищают мир,
являлись маленькие инвалиды,
как равные с храбрейшими людьми.

Пусть ветеран, которому от роду
двенадцать лет, когда замрут вокруг,
за прочный мир, за счастье народов
подымет ввысь обрубки детских рук.

Пусть уличит истерзанное детство
тех, кто войну готовит, - навсегда,
чтоб некуда им больше было деться
от нашего грядущего суда.

Неустанно и вопреки вновь воздвигнутым преградам Берггольц продолжала утверждать необходимость в литературе правды, искренности и смелости:

*...сгорала моментально ложь -
Вдруг осмелится подойти, -
Чтобы прусость бросало в дрожь,
В леденящую - не пройдешь! -
Если встанет вдруг на пути.
Чтобы лести сказать: не лги!*

Берггольц - поэт воинствующей и жизнотворной памяти. Искусственному забвению, как волнам искусственных морей, она противопоставляет свою память - все ее произведения так или иначе возвращают жизнь жизни, вырывают ее из мертвых песков, поднимают из мертвых вод. В минуты отчаяния и слабости она думала, что на уста ее легла печать молчания, но на самом деле молчали, не смея родиться и выйти из под пера, лишь лживые слова, а правда искала и находила разные пути. И главнейший из таких путей пролегал через Память.

Я никогда не напишу такого
В той потрясенной, вещей немоте
ко мне тогда само являлось слово
в нагой и неподкупной чистоте.
Уже готов позорить нашу славу,
уже готов на мертвых клеветать
герой прописки и стандартных
справок...

Но на асфальте нашем — след
кровавый,
не вышаркать его, не затоптать...

1946

служению поэзии.

В 1935 г. она написала стихотворение «Сиделка», в котром наметила многое из того, что определит ее лирический автопортрет.

*Ночная, горькая больница.
Палаты, горе, полутьма...
В сиделках – Жизнь, и ей не спится,
И с каждым нянчится сама.*

Жизнь представлена в образе сиделки, сестры милосердия, всегда готовой помочь, утешить, облегчить страдания.

*И каждый, костенея, труся,
О смерти зная наперед,
Зовет ее к себе: Маруся,
Марусенька... - И Жизнь идет.*

Образы Жизни и простой самоотверженной сиделки соединяются. «Жизнь идет» - это привычное словосочетание и более конкретный по смыслу оборот: Жизнь идет, спешит, откликаясь на зов больных, бредящих, страждущих.

Читая сегодняшними глазами стихотворение двадцатипятилетней Ольги Берггольц, неожиданно открываешь его пророческий смысл. В блокадные дни ей самой придется быть и защитницей, и помощницей, и утешительницей страждущих, терпящих лишения, отстаивающих родной город людей.

В госпитале
Солдат метался: бред его терзал.
Горела грудь. До самого рассвета
он к женщинам семьи своей взывал,
он звал, тоскуя: - Мама, где ты, где ты? -

Искал ее, обшаривая тьму...

И юная дружинница склонилась
и крикнула - сквозь бред и смерть - ем :
- Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом,
милый! -

И он в склоненной мать свою узнал.

Он зашептал, одолевая муку:

Ты здесь? Я рад. А где ж моя жена?
Пускай придет, на грудь положит руку

И снова наклоняется она,
исполненная правдой и любовью.
Я здесь, - кричит, - я здесь, твоя жена
у твоего родного изголовья.

Я здесь, жена твоя, сестра и мать.
Мы все с тобой, защитником отчизны
Мы все пришли, чтобы тебя поднять
вернуть себе, отечеству и жизни. -
Ты веришь, воин. Отступая, бред
сменяется отрадою покоя.

Ты будешь жить. Чужих и дальних не

Август 1941

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

О друг, я не думала, что тишина
Страшнее всего, что оставит война.
Так тихо, так тихо, что мысль о войне
Как вопль, как рыдание в тишине.
Здесь люди, рыча, извиваясь, ползли,
Здесь пенилась кровь на вершок от
земли...

Здесь тихо, так тихо, что мнится —
вовек

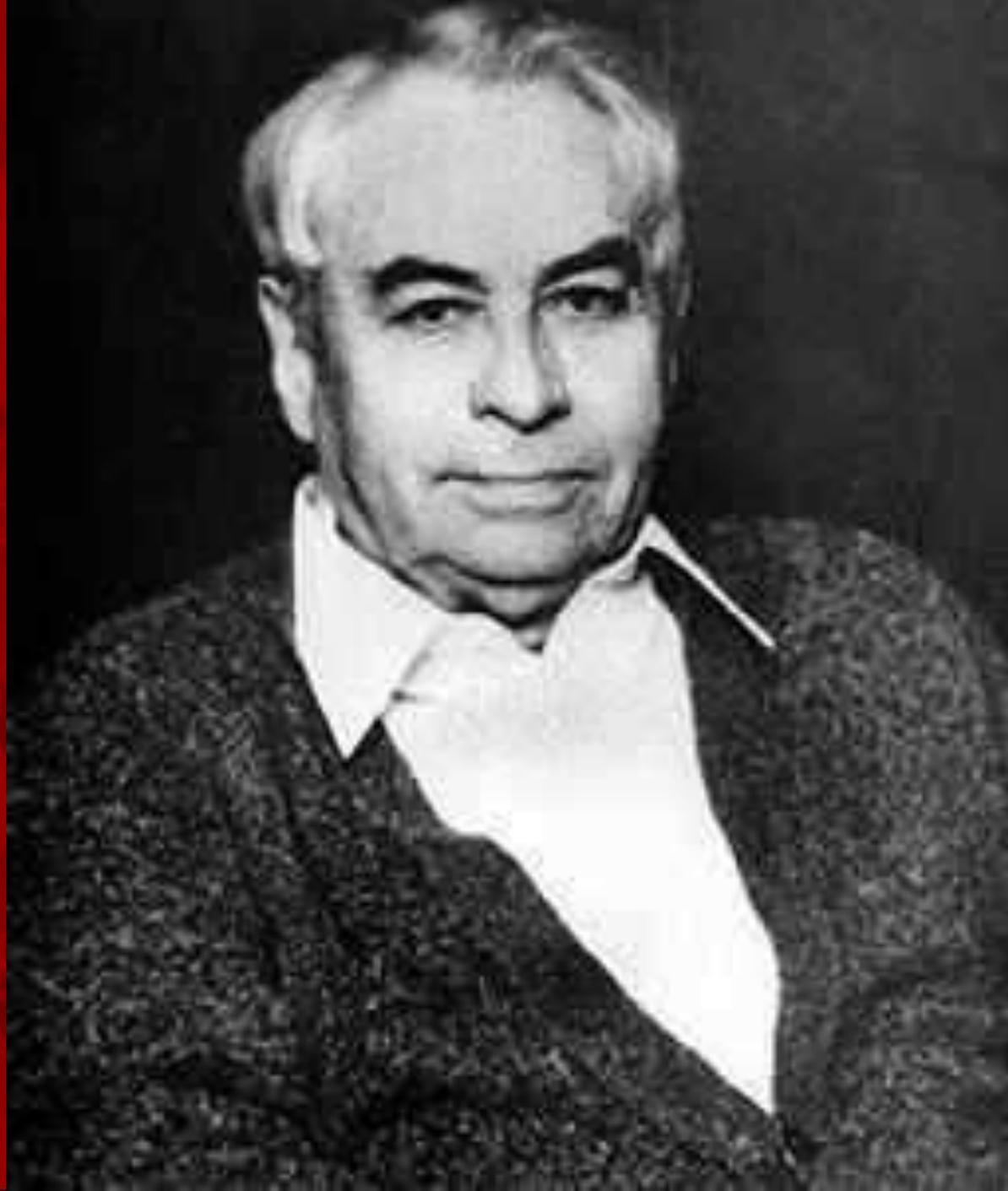
Сюда не придет ни один человек,
Ни пахарь, ни плотник и ни садовод —
никто, никогда, никогда не придет.
Так тихо, так немо — не смерть и не
жизнь.

О, это суровее всех укоризн.
Не смерть и не жизнь — немота, немота
—

Отчаяние, стиснувшее уста.
Безмирно живущему мертвые мстят:
Все знают, все помнят, а сами молчат.

**Георгий
Макогоненко**

**Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным, с темной
думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.**

Третий муж, петербургский филолог Георгий Макогоненко, в 1959 г. ушел от Берггольц.

Во время блокады Георгий Пантелеймонович Макогоненко, работал заведующим литературным отделом Ленинградского радиокомитета. Он был известен в литературных кругах Ленинграда и даже Москвы, как знаток русской литературы 18-го века. Ему принесли известность его замечательные книги о Радищеве. Макогоненко еще интересовался творчеством драматурга Сумарокова, который был назначен первым директором первого постоянного русского театра в Петербурге, основанного при Елизавете Петровне.

БАБЬЕ ЛЕТО

Есть время природы особого
света,
неяркого солнца, нежнейшего
зноя.

Оно называется бабье лето
и в прелести спорит с самою
весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...

Как звонко поют запоздалые
птицы!

Как пышно и грозно пылают
куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и темною
нивой...

Всё чаще от взгляда бываю
счастливой,
всё реже и горше бываю
ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего
лета,
с отрадой тебя принимаю... И всё
же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где
ты?

А рощи безмолвны, а звезды во
строже...

Вот видишь - проходит пора
звездопада,
и, кажется, время навек
разлучаться...

...А я лишь теперь понимаю, как
надо
любить, и жалеть, и прощать и
прощаться.

1956, 1960

- О, как я от сердца тебя отрывала!
Любовь свою - не было чище и лучше -
сперва волго-донским степям отдавала...
Клочок за клочком повисал на колючках.
Полынью, полынью горчайшею веет
над шлюзами, над раскалённой землёю...
Нет запаха бедственнее и древнее,
и только любовь, как конвойный, со мною.
Нас жизнь разводила по разным дорогам.
Ты умный, ты добрый; я верю донине.

- Но ты этой жёсткой земли не потрогал,
и ты не вдыхал этот запах полыни.
А я неустанно вбирала дыханьем
тот запах полынный, то горькое,
и стало оно, безысходно-простое,
глубинным и горьким моим достоянием.
...Полынью, полынью бессмертною веет
от шлюзов бетонных до нашего дома...
Ну как же могу я, ну ну как же я смею,
вернувшись, "люблю" не сказать по-другому!

Друзья твердят: "Все средства хороши,
чтобы спасти от злобы и напасти
хоть часть Трагедии,
хоть часть души..."

А кто сказал, что я делюсь на части?

И как мне скрыть - наполовину - страсть,
чтоб страстью быть она не перестала?

Как мне отдать на зов народа часть,
когда и жизни слишком мало?

Нет, если боль, то вся душа болит,
а радость - вся пред всеми пламенеет.

И ей не страх открытой быть велит -
ее свобода,
та, что всех сильнее.

Я так хочу, так верю, так люблю.
Не смейте проявлять ко мне участия.

Я даже гибели своей не уступлю
за ваше принудительное счастье...

Кабинет Ольги Берггольц

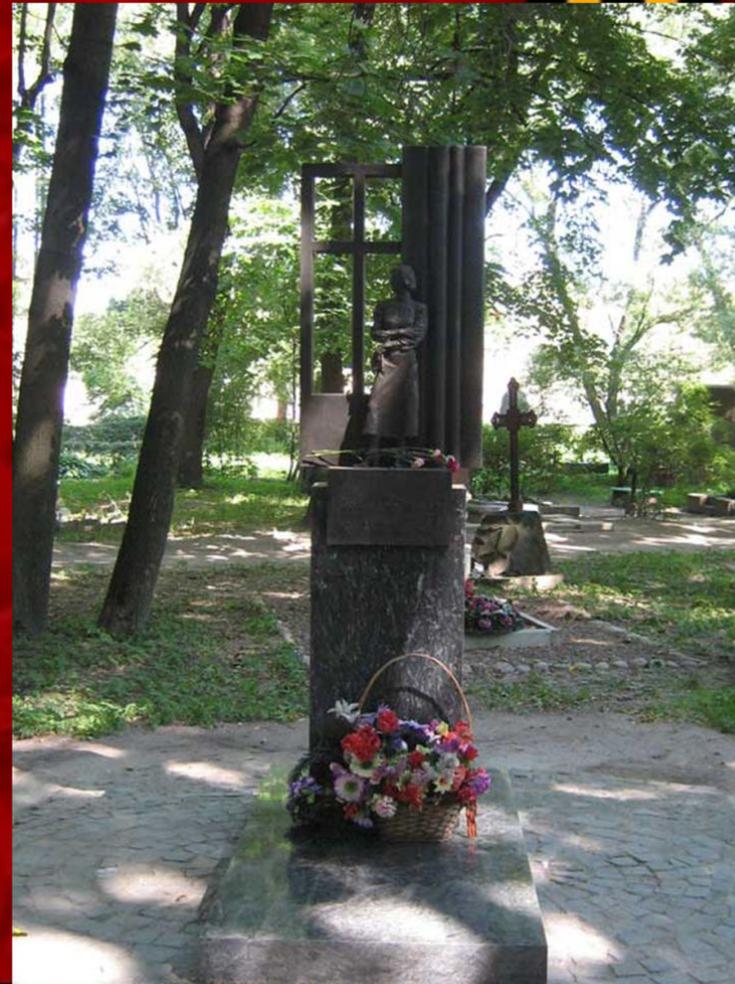
Ответ

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,
ее нетленно чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.
И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы - ни слова,
ни стоны бы не зачеркнуть.

**Умерла Ольга Федоровна Берггольд
13 ноября 1975 в Ленинграде.**

**Похоронена на Литераторских
мостках. Несмотря на прижизненную
просьбу писательницы похоронить ее
на Пискаревском мемориальном
кладбище, где высечены в камне ее
слова "Никто не забыт и ничто не
забыто", "глава" Ленинграда г.
Романов отказал писательнице.**

"Никто не забыт,
ничто не забыто..."